

Е.И. Васильева

Джафы, названные типичным курдским племенем классического типа

Джафы — могущественное и самое значительное племенное сообщество Южного Курдистана. Историческая судьба его своеобразна, политическая позиция независима, корни уходят в отдаленные столетия исторического прошлого курдского этноса. Племя джафов оставалось во все времена автономной социально-политической единицей, попытки установить над ним реальную власть никогда не приводили к ощутимым результатам.

Ключевые слова: племенное сообщество, кочевье, оседлые, кочевники, независимость, социально-политическая структура.

Джафы — могущественное племенное сообщество, называемое самым значительным племенем Южного Курдистана. Историческая судьба его своеобразна, политическая позиция независима, корни уходят в отдаленные столетия исторического прошлого курдского этноса. Именно джафы признаны типичным курдским племенем классического типа, имеющим аристократический правящий дом и подведомственные ему кланы, из которых каждый имел собственные подразделения.

Области расселения. Традиционным районом расселения джафов был Джаванруд, расположенный в западной части Арделанского Курдистана, к югу от Авроманлухуна. Джаванруд, как и Авроман, — горная область, с более возвышенной восточной частью. Даже само название района этимологизируется как «река джафов» (Джафан-руд), что указывает на давность обитания племени на данной территории. Впоследствии основная часть джафов оставила пределы Джаванруда и расселилась в Шахризуре и прилегающих районах.

Закрытая стеною авроманских гор, долина Шахризура (к югу от Сулеймании) стала местом лучших зимних кочевий. Шахризурскую долину, усыпанную черными шатрами джафов, описал в своей книге Э.Б. Сон, хорошо знавший страну курдов. Здесь же, в юго-восточной оконечности Шахризура, в тени гор Авромана находилась Халабджа — небольшой городок, столица «Джафландии».

Шахризурские джафы зимовали также к западу от реки Сирван (Диала) вплоть до того места, где она прорывается через горную цепь Джебель Хамрин, от линии Ханекин-Каратепе-Салахийе до гор Карадага. Джафы проживали в Шемиране, в округе Зенгибад, подведомственном Багдаду, в Курету и Шейхане. От Кызыл Рабата на юге до Панджвина на севере простиралась обжитая джафами территория. На пространстве к западу от реки Сирван до Ак-су, от Ханекина до Карадага, в Шемиране и Шахризуре большая часть племени вела полукочевой и кочевой образ жизни. Ежегодно они откочевывали через Шилер в Иран, во владения арделанских правителей, передвигаясь по обширной территории от Панджвина до Ханекина. На востоке они доходили до Сенне, арделанской столицы, на севере — до Саккыза. Маршруты, схема перемещения кочующих сообществ были отрегулированы и упорядочены так, что очевидно: джафы передвигались этим миграционным путем в течение многих и многих

столетий. Менее многочисленная часть джафов проживала в Джаванруде, в округе Мариван и близ Сенне. Несколько племен джафского племенного сообщества обосновались в окрестностях Керманшаха (в горах Деляху и на Зохабской равнине), признав над собой власть вождя горанского племени. Зимой они находились на участке между Зохабским и Ханекинским санджаками, летом откочевывали на летовья Бен-Деляху.

Подразделения племенного сообщества. Джафы разделены на три основные части сообразно их географическому месторасположению. Самое крупное подразделение называется «муради», и его постоянное место жительства — лива Сулеймания. Джафы Джаванруда и Керманшаха представляют две другие ветви, значительно уступающие по численности и именуемые иранскими джафами, в отличие от иракских, или сулейманийских. По данным неполной переписи 1922 г., племя джаф объединяло одиннадцать родов, и каждый род делился на несколько колен. Многие из них были столь многочисленны, что принимались порой за отдельные племена. По сведениям С. Рудных, джафы делились на 40 родов и колен, по данным М.А. Заки — на 22 рода.

Э.Б. Сон (1912 г.) и А.А. Орлов (1913 г.) выделяли четыре оседлых подразделения (подотдела) джафов-муради: неуроли, яздан-бахши (в Шемиране), шейх-исмаили (в Шахризуре) и бильбас¹. Перечень кочевых подразделений включает значительно большее число названий. По сведениям Шейх Мухаммада Мардуха Курдистани, джафы-муради насчитывали 31 подразделение, или *тире*: рахзади (Орлов: рохзади, Сон: ругзади), гелали (Орлов: куляли), тирхани (Орлов: тархани), шатири (Орлов: шатыри), харуни, кемале (Орлов: кемалеи), амалай (Орлов: амалья), пуштмале (Орлов: пуштмалая), будаки (Орлов: будаги, Сон: бадахи), сагане (= сидани, Орлов: садани), макаили (Орлов: микаэли), исмаил-азизи, суфиванд, нурули, шван (Орлов: шуанкарэ), шех базни, талани (джафе рашке), гаваре, бесари, кавили, пархи, чучани (Орлов: чючани), хасани, рашубури, башки (Орлов: башики, Сон: башаки), муради, юсуджани (Орлов: юсуф-джани), яздан-бахши, ярубаси, исаи (Орлов: исайи), шараф-байяни. Списки А.А. Орлова и Э.Б. Сона содержат соответственно 38 и 23 наименования. Список А.А. Орлова содержит 19 названий, не указанных в «Тарих-и Мардух»: вурда-шатыри, мир вэйси, вели, тайджаузи, мухаммад-али-увэйси, кахрамани, али-беги, кулагори, кокои, зердои, хозийяр-увэйс, масуди, пушдери, хыдыр-увэйси, бунагала, хозибраим, качали, сеид мир-ага. Шестнадцать наименований, приведенных в «Тарих-и Мардух», отсутствуют у А.А. Орлова. Это — исмаил-азизи, суфиванд, нурули, шех базни, талани, гаваре, кавили, пархи, хасани, рашубури, муради, яздан-бахши, ярубаси, шараф-байяни. Из общего числа подразделений лишь шестнадцать представлены и в списке, приведенном уроженцем Арделанского Курдистана Шейх Мухаммадом Мардухом, и в путевых дневниках российского консула в Багдаде А.А. Орлова. Совпадают 16 названий, остальные различаются.

В обоих списках подразделений-*тире* джафов муради упоминаются племена гелали, бесари, чучани, кавили, которые вместе с бильбасами, кельхорами и другими племенами заселяли Шахризур до массового переселения джафов в эти районы в XVII в. Джафское племенное сообщество переживало постоянный процесс пополнения своего состава новыми племенными единицами, привлеченными успехами и растущей мощью джафов, а, возможно, частично и покоренных ими. Джафы включили в свой состав и племена, называемые С.Дж. Эдмондсом старинными обитателями долин Шахризур.

То, что джафское племенное сообщество не состояло из одних джафов, заметил еще К.Дж. Рич, по свидетельству которого коренные джафы насчитывали не более

¹ Имеется в виду осколок бильбасского племени, примкнувший к джафам, но сохранивший свое имя.

600 семей при общей численности конфедерации в несколько тысяч. Под протекцией племенного сообщества находились, по мнению Рича, все племена Персидского Курдистана и Луристана. Страницей ниже тем не менее он поясняет, что речь идет лишь об осколках племен, подвергшихся гонениям и присоединившихся к джафам.

Единство джафского племенного содружества обеспечивало твердое, консолидирующее ядро из центральных подразделений племени, из которых главным был элитарный клан Бегзаде. В рамках этого дома, который не единожды именуется в литературе королевским, осуществлялось распределение и перераспределение власти в племенном сообществе. Высокий полукоролевский статус распространялся на весь дом Бегзаде, и джафы считали себя подданными не столько верховного вождя племени, сколько всего правящего дома в целом.

К числу центральных родов джафского племенного сообщества относится секция пуштмалы (букв. «оплот дома»), из которой рекрутировалось ближайшее окружение правящего дома, или «корпус слуг и охраны». В наименовании подразделения амалай (букв. «работники») также просматривается явный социальный подтекст.

Число подразделений джафов в Джаванруде вдвое меньше численности тех, что оказались за пределами своей исторической родины. По сведениям Шейх Мухаммада Мардуха Курдистани, джаванрудские джафы насчитывали 16 *тире*-подразделений: кубади, паве, джани (Орлов: бабаджани), валадбеги (Орлов: улед-беги), инахи (Орлов: энахи, Сон: айнахи), имами, дахтуй, тайше, тавгузи (Орлов: таугози), калашаи, намдарбеги, кадир-маривайси, ниризи, мирабеги, деле-тазе, даваши (Орлов: дервиши). Список подразделений джаванрудских джафов в путевых дневниках А.А. Орлова содержит 14 названий, из которых только шесть повторяют приведенные в «Тарих-и Мардух». Свой список отделений джафов приводит и В.Ф. Минорский в примечаниях к дневникам А.А. Орлова — сведения поступили от главы джафов кубади. В списке указано число семей каждого из подразделений: амирабади (500), кубади (700), уалоу (уолед)-беги (по-видимому, = валадбеги) (600), бабаджани (1000), тайджоузи (500), имами (200), кляши (100), энахи (100), мансур-ахеи (100), таугози (200), дэстейерди (50). В общей сложности указанные в списке В.Ф. Минорского подразделения, как и у А.А. Орлова, насчитывали 4 тысячи семей.

Подразделения джафов, которые нашли себе убежище под крылом и в составе горанского племенного сообщества в горах Деляху и на Зохабской равнине, носили следующие названия: кадыр-мир-вайси, таишеи², коик (куйик), нереджи³, юсиф-ййрахмеди, гургкаиш.

Бегзаде, правящий дом джафского племенного содружества, проживал на территории Бабанского эмирата. Джафские беки пользовались влиянием и почти полной самостоятельностью в областях их зимних кочевий и по пути передвижения к иранотурецкой границе. Этим они воспользовались, по словам А.А. Орлова, чтобы завладеть землями, «как втуне лежащими, так и принадлежащими другим племенам». В конце 70-х годов XIX в., когда два джафских бека были каймаками (наместниками) округа Гуламбар с центром в Халабдже, «джафской столице», земельные владения дома Бегзаде были закреплены по закону. Таким образом, к началу XX столетия целый ряд деревень в округе Салахийе (Селихийе), вся равнина Шахризур вместе с Халабджой, города Панджвин, Кызыл Рубат составляли собственность джафских Бегзаде. Джафские беки приобретали земли повсеместно, от Авроманских гор до Джебель Хамрина. В результате элитарный клан составили крупные землевладельцы, военачальники,

² Джафские племена кадыр-мир-вайси (300 домов) и таишеи (600 домов) А.А. Орлов охарактеризовал как племенные единицы слабые и бедные.

³ Джафы-нереджи (нирижи, нирджи, ниреджи) насчитывали 600 домов, согласно А.А. Орлову.

должностные лица высокого ранга. В кочевой жизни племени они принимали лишь ограниченное участие даже во времена, когда кочевала большая часть племенного сообщества.

Прямых указаний источников на то, распространялась ли власть джафских Бегзаде на джаванрудскую часть племени, не обнаружено. В Джаванруде, который входил во владения дома Бани Арделан, была ситуация особая. В одной из арделанских хроник (Хусрава ибн Мухаммада) первое упоминание джафского племени связано с назначением на пост правителя джафов и Джаванруда одного из представителей племени, «дабы они (джафы) голову мятежа не поднимали и были бы шаху Сафи послушны и покорны» (Хусрав ибн Мухаммад, 1984, с. 125).

Упомянутая акция относится к первой половине XVII в., когда в Джаванруде происходили бурные события, связанные с переселением большей части племенного сообщества на запад. Для курдских племен назначение главы из центра не характерно. Тем не менее в хронике Мах Шараф-ханум Курдистани упоминается о назначении в первой половине XIX в. правителями «джафов и Джаванруда» поочередно трех лиц, не принадлежавших ни к племени джаф, ни к дому джафских Бегзаде. Двое из них представляли дом Бани Арделан, третий — семейство арделанских везиров (Мах Шараф-ханум Курдистани, 1900, с. 169, 191–192, 204). В кадjarский период в Иране предоставление верховной власти над племенем постороннему лицу практиковалось как наказание за непокорность. Возможно, упоминаемые в хронике Мах Шараф-ханум Курдистани назначения и были актами возмездия за непослушание.

По всей видимости, джафское племя в целом, его мурадийская и джаванрудская части, единства не утратили. Каждый год летом в Панджвине, в трех днях пути от Халабдже, устраивалось великое собрание вождей джафов, которое Э.Б. Сон называл общеплеменной конференцией. На это собрание съезжались не только джафские лидеры, но и главы других племен, чтобы завязать дружеские контакты и договоренности. Возможно, вне этих связей оставались джафские племена, которые предпочли присоединиться к горанскому племенному сообществу и признали власть их верховного вождя. В таком же положении могли находиться и джафы, влившиеся в племя сенджаби, о чем упоминают, перечисляя подразделения сенджабийского племени, А.А. Орлов и Шейх Мухаммад Мардух Курдистани. За исключением этих незначительных секций, как писал в 1912 г. Э.Б. Сон, великое джафское племя было объединено как когда-то, в давние времена.

Численность племени. В вопросе о численности джафского племенного сообщества можно отметить редкостное единодушие источников. «Турецких» джафов (джафов-муради) исчисляли в начале XX столетия в 10 тысяч семей⁴: 2 тыс. оседлых и 8 тыс. кочевников и полукочевников. Джаванрудские джафы насчитывали 4 тыс. семей. В Зохабе и в горах Деляху кочевали 350 джафских семей, примкнувших к горанам. Часть зохабских джафов, прожив в составе горанов несколько лет, переселилась в Турцию (в район Бан-Хейлана), но вскоре снова возвратилась к горанам.

Уклад хозяйственной жизни. В начале XIX столетия К.Дж. Рич определил уклад хозяйственной жизни джафского племенного сообщества однозначно: джафы возглавляют у него список племен, кочующих или проживающих лагерем. Все джафы живут в палатках — таково заключение Рича. Почти через столетие Э.Б. Сон также охарактеризовал племя как «народ, который кочует», каждой весной направляясь из Кызыл Рабата в Панджвин и Саккыз. Пятьдесят лет спустя Ф. Барт, который провел в Южном Курдистане, в Керкуке, Сулеймании и у джафов шесть месяцев (февраль–

⁴ Ж.Б. Фрэнгер (1834 г.) приводит цифру от 10 до 12 тысяч домов.

август 1951 г.), высказался по данному вопросу с наименьшей определенностью. Джафы, по словам Ф. Барта, представляют собою могущественную конфедерацию племен, вплоть до недавнего времени почти целиком кочевых и все еще насчитывающих в своих рядах большинство номадов района Южного Курдистана (Barth, 1953, p. 34–35).

Приведенные характеристики уклада хозяйственной жизни джафов не вызывают сомнения, однако есть основания полагать, что уклад оседлых земледельцев в «стране джафов» тоже был представлен, хотя и не столь масштабно, как кочевое скотоводство. А.А. Орлов и Э.Б. Сон (их пути в Южном Курдистане пересекались не единожды) упоминают четыре ветви джафов, которые жили оседло. По заключению С. Дж. Эдмондса, некоторые из джафских кланов утвердились на земле давно как серьезные агрикультуристы. Большинство из них прежде вело кочевой образ жизни и было вынуждено заняться обработкой земли в силу каких-то обстоятельств.

Чаще всего таким обстоятельством была потеря скота, но как только достаток семьи восстанавливался, даже если на это уходило несколько лет, джафы снова переходили к кочевой жизни. Механизм возврата и к кочевому скотоводству, и к оседлому земледелию был отработан и прост. Кочевое племя имело право как на перемещение и перекочевку, так и на поселение и обработку земли, которая принадлежала ему в результате дарения или завоевания. Южные территории вокруг Кызыл Рабата, по свидетельству Ф. Барта, оседлые джафы обрабатывали как арендаторы на старинной земле их племени. Здесь же находились и зимние становища их кочевых соплеменников.

В литературе встречается определение части джафского племени как полукочевой. Согласно А.А. Орлову, в начале XX столетия 8 тыс. джафов жили полуоседло. Они откочевывали в апреле месяце по окончании работ на земле. Те, которые совсем не занимались земледелием, откочевывали из своих зимовий в конце марта. И те и другие перемещались в персидские горы, называемые ими Кухистаном, и возвращались в Турцию в конце октября. Все шли дорогой на Халабдже, Гуламбар и Панджвин. В горах их пути, естественно, расходились.

Для самих курдов главным при определении кочевника (кочара) выступал сам факт перекочевки (кочи) всем домом. По существу, на таких же позициях стоят и авторы, рассматривающие проблемы номадизма масштабно. Поэтому одни видели в джафах кочевников, другие — кочевников и полукочевников. В любом случае до середины XIX в. основная масса могущественного объединения джафских племен кочевала. Джафы владели значительными стадами скота, амплитуда кочевания исчислялась не одной сотней километров и месяцами пути. Летовья на высокогорье находились на расстоянии 250 км от зимних становищ на равнинах.

Перекочевку джафов келяли (киляли, гиляли) по пути из Гуламбара в Панджвин (чтобы затем следовать до западных склонов Кух-и Чехельчешме) имел возможность наблюдать А.А. Орлов: «Так как это была и моя дорога, то 31 мая и 1 июня (1913 г.) я сделал часть пути с ветвью келяли, а 4 июня наблюдал джафов в равнинах Наухувана». В памяти российского консула увиденное запечатлелось как суровое испытание, сопряженное с множеством опасностей. Кочующее ответвление насчитывало около 500 домов, но передвигались эшелонами, домов по пятьдесят, которые назывались «хога». Каждый эшелон передвигался со своим старшиной, на расстоянии одного перехода от другого, делая от семи до десяти верст в день.

По визуальным наблюдениям А. А. Орлова, кочующая семья насчитывала около 13 человек: двое стариков, двое взрослых мужчин, три молодые женщины и примерно шестеро детей от грудных до подростков. Скот, принадлежавший такой семье,

состоял из кобылы с жеребенком, 15 коров с телятами, трех ослов, сотни баранов и сотни коз⁵. Крупные животные, нагруженные домашними пожитками, шли дорогой, бараны и козы — склонами гор вдоль дороги. Всю работу по нагрузке и разгрузке животных выполняли женщины, они же их и погоняли с люльками за спиной. Мучения, по словам автора, кочующие испытывали страшные. Местами дорога сужалась до одного метра, переходила с одного берега реки на другой. Дно реки покрывали валуны, либо оно представляло покатую скользкую поверхность, на которой животные падали вместе с грузом. Жизнь кочевника наедине с природой, с суровым миром гор была полна трудностей.

Разгадка притягательности кочевья, кроме хозяйственной целесообразности использования богатейших пастбищ высокогорья, объяснима исключительностью той роли, которую играл кочевой скотоводческий уклад хозяйства в жизни и истории курдского этноса. Мобильное кочевое хозяйство спасало курдские области от экономического истощения и гибели производительных сил в периоды полной разрухи, которыми так богата история страны курдов. Все выжжено, разорено, ни единой деревни, в которой бы оставались жители, — картины такого разорения нередки в курдских областях и на джафских территориях тоже. «Обезлюдившим пространством» назвал Южный Курдистан Дж.Б. Фрэзер в начале 30-х годов XIX в. Весь край произвел на него удручающее впечатление «полной депопуляции». В подобной ситуации джафское племя и скотоводческое кочевье выступали хранителями социума и связующим звеном между курдскими областями, разорванными ирано-турецкой границей на части с XVI столетия. По свидетельству А.А. Орлова, члены комиссии по демаркации ирано-турецкой границы в 1913–1914 гг. даже не поднимали вопроса о правомочности ее пересечения кочевыми джафами. Право было признано молчаливо — и на традиционный путь ежегодной миграции, и на стоянки-вары и пастбища.

Джафы на повороте своей исторической судьбы, или переселение на запад. История джафского племенного сообщества вырисовывается пока фрагментарно и представлена выхваченными из тьмы веков отдельными фактами и именами. На страницах «Шараф-наме» джафы не упомянуты. Возможно, они тогда проживали в Джаванруде, на своей исторической родине. Когда Шараф-хан Бидлиси писал свою «Историю курдов», джафы вплотную подходили к переселению, которое в корне изменило их дальнейшую жизнь.

По поводу того, когда произошло переселение большей части джафов на запад и какие политические события предшествовали и послужили тому причиной, мнения авторов и сведения источников расходятся. Информатор С.Дж. Эдмондса, принадлежавший к фамилии джафских Бегзаде, приводил различные даты. Э.Б. Сон и А.А. Орлов относили миграцию джафов на запад, на правый берег реки Диалы, к началу правления султана Мурада IV (1623–1640), увязывая с султанским именем само название муради, под которым получили известность переселившиеся джафы.

Согласно версии А.А. Орлова, первым переселился один из джафских беков — Заир-бек (по-видимому, Захир-бек, упоминаемый другими авторами) и с ним 150 джафских семей. Они обосновались на правом берегу реки Диалы в Бан-Хейлане и в окрестных горах Диджаиш. Захир-бек был реальной исторической личностью, и могила его, по словам А. А. Орлова, сохранилась в горах Диджаиш.

К переселившимся постепенно (по 50–100 семей в год) стали присоединяться другие джафы, пока к концу 30-х годов XVII в. они не составили значительное племя в 1200 домов. Джафы приняли участие в штурме и захвате Багдада, который предпри-

⁵ Для ведения кочевого хозяйства необходим минимум поголовья скота, определяемый Ф. Бартом в 60–100 овец и коз и М. ван Брэйнесеном — в 80–200 (Barth, 1953, p. 16, 17; Bruinessen, 1978, p. 25).

нял Мурад IV, и в награду за оказанные услуги стали именоваться мурадийцами, получили, по словам А.А. Орлова, «титул Муради». У самих джафов этот «титул» популярностью не пользовался, а простым джафам даже оставался неизвестным. Его употребляли преимущественно персы. Сами представители племени называли себя джафами или по названию отдельных ветвей.

Переселение джафов на запад относят к 30-м годам XVII в. и к последующим годам, а также к XVII, XVIII и XIX вв. без уточнения. Наиболее реалистична версия, приведенная Э.Б. Соном и А.А. Орловым. Основное переселение произошло в 30-е годы XVII в.

В истории трех крупнейших племен Юго-Восточного Курдистана — джафов, кельхоров и горанов, а также эмиратов Арделан и Бабан отчетливо просматривается переломный момент, во многом определивший последующую политическую ситуацию в регионе и взаимоотношения глав племен между собой и с правящими эмирскими домами. Этот период приходится на события, обусловившие исход военных действий между Ираном и Турцией и условия договора 1639 г.

До 1637/38 г. владения Арделанов охватывали области по обе стороны Загросского хребта. Когда Мурад IV осадил Багдад, он отправил, по сведениям арделанского историографа Мухаммада Шарифа Кази, войско для завоевания Шахризур, Шахрбазара, Карадага, Саруджика и других курдских округов. Именно тогда Арделаны утратили западную часть своих владений, которая перейдет под власть Бабанов. Договор 1639 г. рассек территорию эмирата надвое, владения династии отныне ограничатся территорией собственно Арделана.

В Шахризуре неминуемо должен был образоваться политический вакуум, который заполнили Бабаны. К этому времени они достаточно окрепли.

В этот политический вакуум устремились и джафы, возможно оказавшие Бабанам военную помощь. Последнее предположение объясняет щедрость Бабанской династии, пожаловавшей в кормление джафскому племени целую область. Переселению джафов на запад могло предшествовать их восстание против Арделанов. Потерпев поражение в битве с армией эмира Арделана, кочевые и оседлые джафы, согласно версии, в которой это событие осталось запечатленным в «локальной памяти», разделились, и кочевая часть в основной своей массе предпочла переселиться на запад.

В начале XVIII столетия джафские ополчения уже входили в состав армии бабанского эмира. Согласно Мах Шараф-ханум Курдистани, в 1719/20 г. Рустам-бек Джаф был отправлен Хане-пашой Бабаном на помощь арделанскому эмиру Али-Кули-хану, обратившемуся с просьбой о военной поддержке. Сведения курдского историографа о враждебных действиях племенного вождя джафов Захир-бека против Хан Ахмад-хана Арделана, который бежал в Турцию от гнева Надира в конце 30-х годов XVIII в., говорят о том, что к этому времени джафское племя уже прочно обосновалось на территории, которая входила в состав Османской империи и Бабанского эмирата.

Переселение джафских подразделений в области горанов было не столь масштабным, как переселение на запад. К горанам в XVIII столетии переселились два джафских подразделения. Позднее отделилась еще одна секция и «возвратилась в Персию, в провинцию Керманшах». Отделение этих частей происходило уже от джафов-муради, после переселения из Джаванруда на запад.

С.Дж. Эдмондс упоминает об отделении в середине XIX в. от джаванрудских джафов семи небольших кланов, которые примкнули к горанам.

Политическая позиция племени и степень его автономности. Ирано-турецкий договор 1639 г. рассек территорию страны курдов на две неравные части: большая к западу от Загроса вошла в Османскую империю, меньшая к востоку от горной цепи осталась за Ираном. Джафы с XVII в. считаются частично турецкими подданными,

частично — иранскими. «Турецкие» джафы признали османского султана своим повелителем и халифом, духовным главой мусульман-суннитов, к которым они принадлежали. «Тем не менее, — писал в 1912 г. Э.Б. Сон, — они сохранили до настоящего времени больше, чем полунезависимость». Перед султаном джафский глава держал ответ лишь за ежегодно выплачиваемую сумму налогов, которые К.Дж. Рич называет данью (Soane, 1926, p. 217).

Своими отдельными частями джафское племенное сообщество входило в политическую структуру Ирана и Турции, эмиратов Арделан и Бабан. В действительности со степенью прочности, прямо пропорциональной давлению извне, оно оставалось «государством в государстве». Власть над племенным содружеством не была прочной. Арделанский и бабанский эмиры и тем более Иран и Турция почти не вмешивались во внутренние дела племени. Бабаны даже испытывали некоторую зависимость, опираясь на его военную мощь. По свидетельству К.Дж. Рича, джафское племя могло выставить две тысячи конников и тысячу пеших воинов, которые сопровождали главу племени в поход по призыву паши Сулеймании. Джафы могли выставить без труда и четыре тысячи стрелков, «и в курдской армии, — добавляет К.Дж. Рич, — они считаются лучшими воинами». По мнению Рича, ежегодная дань, которую выплачивало богатое, могущественное племя джаф, была незначительна в сравнении с тем, что платили другие племена, — «тридцать кошельков», а иногда и того меньше (Rich, 1836, vol. I, p. 112, 281). Получить больше, не причиняя себе беспокойства, по всей видимости, было затруднительно.

Джаванрудские джафы, вассалы арделанских правителей, выплачивали им незначительные подати и в формировании вооруженных сил дома Бани Арделан и Ирана участия не принимали. Отношения Арделанов с джафами не сложились, по-видимому, изначально. По некоторым приводимым в литературе версиям, переселению джафов предшествовали жестокие бои с Арделанами. В результате глава племени, его сын и брат оказались в плену и были казнены. Их отношения дают основания для таких рассказов, хотя в перерывах между военными действиями дом джафских Бегзаде и семейство Бани Арделан успевали не единожды породниться. Однако даже заключение брачного контракта служило лишь временной передышкой в соперничестве и военных действиях.

Например, женитьбе эмирского сына на дочери Валад-бека Джафа (XIX в.) предшествовали события, даже отдаленно не напоминавшие сватовство. «Племена джафов, — рассказывает Мах Шараф-ханум Курдистани, — допустили злоупотребления. Возвышенная натура вали [Аманаллах-хана] не смогла с этим примириться, и он выступил, чтобы их разгромить». Будущие сваты сразились, и в результате Аманаллах-хан Арделан все ашираты джафов ограбил, а «большинство их уважаемых людей предал блестящему мечу». Джафский бек с сыновьями попал в плен, но мощь и влияние племени были таковы, что вскоре арделанский эмир «простил» Валад-бека и женил сына на его дочери (Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990, с. 168).

В арделанских хрониках рассказывается о нескольких походах арделанских правителей против джафов — в 1817, в конце 20-х — начале 30-х годов и в 1851 г. Джафы смирились ненадолго. Валад-бек, как свидетельствуют авторы местных хроник, заставил трепетать Махидашт и Шахризур, грабил луров и кельхоров, «мир не ставил ни во что». Бахрам-бек Джаф отказался платить налоги, а сборщика податей прогнал. Однако, когда его волоком на аркане притащили к воротам княжеского дворца, арделанский эмир предпочел простить Бахрам-бека и назначить главой племени джаф.

Походом на джафское племя ходил последний правитель из дома Бани Арделан в 1851 г., когда править арделанским эмиром оставалось около полутора десятков лет.

В походе участвовало войско, насчитывавшее шесть тысяч конников и пеших. «Смуту вредного племени» подавили. Джафов ограбили и многих перебили, захватили более 30 тыс. голов скота. «Племя джафов, — писал автор „Хадике-йи Насирийе“, — не смогло устоять и бежало».

При всей жесткости противостояния домов Бани Арделан и джафских Бегзаде отдельные, не самые сильные ветви племени джаф пользовались покровительством арделанских эмиров. Согласно свидетельству К.Дж. Рича, под личной властью у Аманаллах-хана (1779/800–1824) находилось множество кочевых курдов — ответвления племен шейх-исмаили, мардаме, кельхор и джаф. Подобная позиция отдельных джафских ответвлений не могла сколько-нибудь повлиять на отношения племени с домом Бани Арделан. После ухода Арделанов с политической сцены в 1867/8 г. эстафету «наведения порядка» в джафском племени приняли Каджары. Согласно «Хадике-йи Насирийе», в конце 60-х — начале 70-х годов наследный принц Фархад-мирза в ультимативной форме потребовал от джафов выбрать окончательно иранское или турецкое подданство. Договоренность, естественно, не была достигнута, и в результате в начале весны к местам джафских перекочевок в Наухан-и Шилер и Хав-и Мирабад стали посылать войска, которые закрывали путь кочующему сообществу. В месте, где джафы пересекали границу, построили крепость Лашкярабад, просуществовавшую недолго и не оправдавшую возлагаемых на нее надежд. Ирано-турецкая граница пересекалась джафами в обоих направлениях.

После падения власти Бабанов в 1851 г. еще более возросло могущество джафского племенного сообщества, которое ассимилировало в свою организацию остатки других племен в регионе. Лидеры джафов упрочили свои позиции как землевладельцы и более походили на феодальных лордов, чем на вождей племени. Глава джафских курдов совсем не обращал внимания на турецкое правительство и, по свидетельству Э.Б. Соана, «с наивысшей нелюбезностью» терпел присутствие нескольких турецких официалов в Халабдже и сборщика налогов в Сулеймании, который буквально умолял Осман-пашу Джафа «об уплате каких-то крох» (Soane, 1926, p. 213).

Племя джаф оставалось во все времена автономной социально-политической единицей, попытки установить над ним реальную власть не привели к ощутимым результатам. В конце XIX — начале XX в. джафы, из которых более половины считались подданными Турции, не признавали над собой ее верховенства. Зимой они проживали в турецком санджаке Сулеймании, летом кочевали в Персии, не подчиняясь распоряжениям персидских властей. Никакие усилия специально командированных воинских контингентов урегулировать их передвижение не принесли результата. Как писал Э.Б. Сон, древнее курдское племя было могущественным с самых отдаленных времен истории Курдистана и «прославилось тем, как его вожди умеют находить согласие между собой и держаться вместе». Такая согласованность, столь редкая, по словам автора, среди великих курдских вождей, принесла племени богатство и силу. Правящий клан джафов занимал прочные позиции, и конфликты внутри племени были редкостью (Soane, 1926, p. 216).

Правящий дом Бегзаде в любой ситуации сохранял свою независимость. Так, Махмуд-паша Джаф, один из выдающихся вождей племени джаф, дважды отклонил предложения султана Абдулхамида II (1876–1909) стать его визирем.

Сокращения

МИВ — Материалы по изучению Востока. СПб., Пг.

Список литературы

- Мах Шараф-ханум Курдистани.* Тарих-и Ардалан. Пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1990.
- Мирза Али Акбар Курдистани.* Хадике-йи Насирийе. MS Института восточных рукописей РАН.
- Мухаммад Шараф Кази.* Зубдат ат-таварих-и Санандаджи. MS Библиотеки Кембриджского университета.
- Орлов А.А.* Путевые дневники объезда турецко-персидской границы в 1913 г. // МИВ. 1915.
- Тарих-и Мардух, та'лиф-и Шейх Мухаммад Мардух Курдистани. Джилд-и I–II. Тихран, [б.г.].
- Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан.* Хроника (История княжеского дома Бани Арделан). Факс. рук., пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1984.
- Barth Fr.* Principles of Social Organization in Southern Kurdistan. Oslo: Universitetets Ethnografiske Museum, 1953.
- Bruinessen M.M. Van.* Agha, Shaikh and State. On the Social and Political Organization of Kurdistan. Utrecht, 1978.
- Edmonds C.J.* Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq 1919–1925. L., 1957.
- Fraser J.B.* Travels in Koordistan, Mesopotamia, Including an Account of Parts of Those Countries Hitherto Unvisited by Europeans... Vol. I–II. L., 1840.
- Rich Cl.J.* Narrative of a Residence in Koordistan, and on the Site of Ancient Nineveh; with Journal of a Voyage down the Tigris to Bagdad and an Account of a Visit to Shirauz and Persepolis. Vols. 1–2. London: James Duncan, 1836.
- Soane E.B.* To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise. L., 1926.

Summary

E.I. Vasilyeva

The Jaf People Described as “a Typical Kurdish Tribe of the Classical Type”

The Jaf people are a mighty and the most significant tribal community of Southern Kurdistan. Its destiny is specific, political position is independent, while its roots go back to the remote past of the history of the Kurdish people. The Jaf tribe has remained an autonomous and independent social and political unit at all times, as attempts to establish a real power over it have never yielded tangible results.